

УДК 111; 303

Ячин С.Е.
Yachin S.E.

Теория бюрократии в свете реалий современной России

(Об антиномии функции поддержания системного порядка
и требований развития в условиях современности)

The theory of bureaucracy in the light of the realities of modern Russia

Сформировавшееся в массовом сознании негативное отношение к бюрократии прикрывает её сущностную необходимость в сложноорганизованных социальных системах. Бюрократия, как это было впервые показано М. Вебером, выполняет рациональную функцию воспроизводства системного порядка. Наиболее строго эта функция может быть определена как легитимация трансакций, осуществляемая должностным лицом. Чем сложнее система, тем важнее указанная функция её воспроизводства. Однако в современном обществе, где условием воспроизводства в конкурентной среде является инновационное развитие, возникает острое противоречие между требованиями порядка и развития.

Ключевые слова: теория бюрократии, воспроизводство системного порядка, инновационное развитие, общество риска, цивилизм

A negative attitude toward bureaucracy formed in the public mind covers its essential need for a highly organized social systems. Bureaucracy, as was first shown by Max Weber, performs a rational function reproduction system order. Most strictly, this function can be defined as the legitimation of transactions carried out by an official. The more complex a system is the more important the specified function of its reproduction. However in modern society where the conditions of reproduction in a competitive environment is innovative development, there is a sharp conflict between the requirements of the order and development.

Key words: the theory of bureaucracy, the reproduction of the system order, innovative development, risk society, civilism

1. К понятию бюрократии

Современная социальная теория, при всех внутренних разногласиях их авторов, рассматривает общество как системное целое, циклично воспроизводящее себя во времени. Основная проблема социальной системы (как на практике, так и в теории) – это вопрос воспроизводства социального *системного порядка*. (В основном благодаря Т. Парсонсу [14] этот вопрос установлен как отправной для социальной теории. Им же был поставлен вопрос о базовых функциях такого воспроизводства).

Непосредственным социальным институтом, отвечающим за воспроизводство *системного* порядка, в обществах государственного типа,

является бюрократия. Смысл существования (и оправдания!) бюрократии заключается в том, что в сложных системах необходимо предпринимать особые усилия для удержания связей между элементами <социальной> системы и этапами <социального> процесса. Подчеркнём, что это не единственный способ поддержания порядка. Ему противостоит существующий от начала «социальных времён» и до нынешнего времени другой принцип порядка – *авторитет*. Противостояние и взаимопроникновение двух принципов во многом определяет общую ситуацию с системным порядком в обществах любого типа.

Функция института бюрократии – *легитимация трансакций, осуществляемая должностным (легальным) лицом*, и без этой функции государство и характерный для него системный порядок существовать не могут. Но вопрос о том, во всех ли случаях необходима такая легитимация и в какой мере – относится к существу рассматриваемой проблемы. Общая зависимость такова: чем сложнее социальная система, тем более значимой является функция поддержания системного порядка, тем важнее роль института бюрократии. Подчеркнём (соглашаясь здесь с М. Вебером), что эта функция является *рациональной*.

В зависимости от теоретических воззрений того или иного автора механизм воспроизводства социального порядка можно описать разными концептами (не используя даже термин «бюрократия»), но не заметить существование такого механизма – невозможно. Среди наиболее влиятельных теорий стоит отметить идеи *власти дискурса* М. Фуко (см. например «Порядок дискурса») и *символической власти* П. Бурдьё («Социальное пространство и символическая власть»). Во всех случаях отмечается главная черта института бюрократии – с одной стороны, функционально обезличенный характер воспроизводства социального порядка, с другой, все акторы социальных отношений должны взаимно «одобрять» условия легальности своих действий. Однако аналитическое вычленение этой функции представляет значительную теоретическую трудность. Эта функция не совпадает целиком ни с функцией власти (являясь её производной), ни, тем более, с социальной ролью какого-либо социального актора. Ни *власть дискурса*, ни *символическая власть*, ни, добавим, *бессознательное власти*, аналитически строго не вычленяют феномен бюрократии. Здесь самым важным является связка функции легитимации с актором (должностным лицом), который её осуществляет. Я полагаю и буду исходить из того, что собственно бюрократической функцией является тот способ *легитимация трансакций*, который *легально* осуществляет специально предназначенное для этого лицо, и она, с одной стороны, касается всех акторов социального процесса, но с другой, нет никакого лица, которая бы эта функция полностью поглощала. Тем не менее острота проблемы состоит именно в характере закрепления функции за определённым лицом. Проблема не в том, что для воспроизводства системного порядка необходима легитимация трансакций, но в том, что эта функция закрепляется за должностным лицом, который эту функцию антропологически искажает. Всё дело в антропологическом превращении нормативной формы функции.

Послесловие автора. Автор благодарен коллегам за высказанные замечания, которые были сделаны в рамках обсуждения статьи на проведённом журналом семинаре. После этого обсуждения в конечный вариант были внесены важные уточнения. В первом варианте бюрократическая функция воспроизводства системного порядка была определена как *легитимация трансакций*. Подразумевалось, но не было ясно сказано, что эта легитимация осуществляется некоторым должностным, т.е. легальным лицом. Таким образом, определение бюрократической функции теперь выглядит следующим образом: *это легитимация трансакций, осуществляемая должностным лицом*.

Будем понимать под *транзакцией* любое изменение позиции социального актора в социальном пространстве и времени, в рамках того или иного *социального отношения*. (Вплоть до перемещения из одного социально фиксированного места в другое, например, из дома на работу). Будем считать транзакцию *легальной*, если она, как минимум, фиксируется тем или иным образом (имеет *запись* в социальном пространстве, например, чеком магазина). Будем рассматривать акт легитимации (разрешения/запрета) осуществляемый должностным лицом как конститутивный для бюрократического воспроизводства системного порядка.

Трудность вычленения бюрократической функции обусловлена тем, что она органически сплетена с функцией *системного администратора или управленца*. В сложной системе всегда должен быть тот, кто держит под контролем картину целого. Пусть это будет администратор гостиницы или генеральный конструктор. Тем не менее, легитимация транзакций и системное администрирование функционально разные задачи. Администрирование далеко не всегда требует легализированной легитимации транзакций, но может осуществляться вполне «авторитарно» (обратим внимание на роль авторитета в научных сообществах).

Таким образом, теоретический взгляд на феномен бюрократии предостерегает нас от двух ошибок: от отождествления бюрократии с людьми, осуществляющими функцию поддержания системного порядка, и от обывательского негативного значения слова «бюрократ». Теоретический подход позволят увидеть как позитивную двойственность этого феномена, так и оценить риски, которые он в себе несёт.

Теория бюрократии vs. обыденного представления о ней

То, что имя «бюрократия» имеет устойчиво негативный смысл в обыденном сознании – особым образом отражает сущностную черту бюрократической функции: быть барьером (препятствием, фильтром) при осуществлении продуктивного и непосредственно-целесообразного социального действия (транзакции). Бюрократическая функция в принципе не может позитивно восприниматься деятелем (продуктивным социальным актором), поскольку совершенно объективно эта функция увеличивает транзакционные издержки (в простейшем случае требует дополнительных затрат времени). Непосредственно, для данного целесообразного действия акт легитимации транзакции в большей части случаев не представляет никакой ценности. Он воспринимается как «печальная необходимость социального бытия». Для того чтобы воспринимать эту функцию позитивно, нужно сойти с позиции своего частного интереса и посмотреть на данный акт с точки зрения интересов целого, т.е. воспроизводства системного порядка. Такого рода установка не характерна для обыденного сознания.

Другое дело – социальный теоретик, поскольку он тоже не склонен воспринимать бюрократию как необходимое и потому позитивное явление социального целого. Здесь мы сталкиваемся с наследием классического физикализма, который мыслит мир исходя из наличия тел, которые производят функции. Такой взгляд на мир понуждает искать в социальном пространстве «тело» (в данном случае – бюрократа), от которого производна некоторая функция.

Современная научная парадигма требует мыслить ситуацию диаметрально противоположно. Имеется структурно обусловленный порядок, который функционально призывает к себе, вырачивает «тела» определённого рода. Эта такой порядок, который создаёт своё собственное социальное тело. В этой парадигме бюрократия – исключительно функция структурного порядка, распределённая таким образом, что она касается (становится должностной функцией) всех социальных агентов

(всех должностных лиц: не только государственных служащих, но частных компаний, культурных и научных учреждений).

Главный вопрос социальной аналитики состоит в понимании того, как распределяются в социальном пространстве функции необходимые для воспроизводства системы, как эти функции закрепляются за определёнными социальными агентами («телами»). Классическая проблематика социальной теории, связанная с понятиями роли и статуса, никогда в общем плане не ставила вопрос о том, как в личности данного социального агента соединяются эти роли и статусы. В редчайших случаях лицо несёт на себе какую-то одну социальную функцию (исполняет одну роль). Как правило, каждое лицо выполняет некоторое число обязанностей и вопрос об их комплексности – едва ли не центральный. Знакомая проблема конфликта интересов различных субъектов социальной организации в первую очередь касается каждого из них. Прежде всего, следует обратить внимание на конфликт ролей. Наибольшую известность получил т.н. гендерный конфликт, который разрывает женщину между ролью матери и работника некоторой организации.

Используя структурно-функциональный подход, такой же конфликт мы должны увидеть в деятельности чиновника и любого другого агента, профессионально действующего в государственно-правовом поле. Поскольку мы не способны определить точные границы бюрократической функции, смешивая её с управленческой и административной, то мы не можем умерить её аппетиты. Проблема бюрократии состоит в том, что, не имея чётких понятийных границ, она захватывает другие социальные роли и функции. В основном бюрократия мимикрирует под производительную управленческую функцию.

Таким образом, теоретически, бюрократия это не совокупность лиц, которые несут на себе указанную функцию, но структура (институт), который касается всех членов общества, поскольку они легально участвуют в социальных транзакциях. В той мере и поскольку транзакция требует и/или допускает легитимацию тем или иным должностным лицом, она входит в сферу бюрократической структуры и процедуры. Государственный чиновник – безусловно, наиболее явный *актор*¹ этой структуры, но таким же актором или агентом является продавец магазина, законно проводящий транзакцию купли-продажи, или школьный учитель, выставляющий оценку и переводящий ученика от изучения одной учебной темы к другой. Важным признаком бюрократической нормативной функции является возможность извлечения собственной выгоды актором из её нарушения. *Бюрократической функции без её нарушения не бывает!*

Понимание бюрократии как социальной структуры в общем и целом соответствует идеи структуризации Э. Гидденса, который понимает под структурой «правила и ресурсы, подразумеваемые в процессе воспроизводства социальных систем», а под структуриацией – упорядочивание социальных отношений в пространстве и времени [5, с. 501]. Согласно автору, структура так или иначе проявляет себя в действии и (добавляем, Гидденс об этом прямо не говорит) это социальное действие обязательно имеет транзакционный характер.

Бюрократия – легальный посредник в социальных транзакциях и общей проблемой существования бюрократии является неизбежное противоречие, в котором находится всякий посредник некоторого отношения. С одной стороны он служит удержанию отношения, но с другой – у посредника, как социального актора, имеется собственный интерес,

¹ У Т. Парсонса и Э. Гидденса понятие актора выражает то обстоятельство, что все социальные процессы предполагают понимание (рефлексию), т.е. должны проходить через чью-то сознание. Актор – это сознающий агент социальной структуры.

это отношение разрывающее. В теоретическом плане это противоречие может быть представлено как противоречие системы и жизненного мира [16]. Но современная эпоха добавляет к этому перманентному противоречию более серьёзное.

Рациональность под вопросом

Несмотря на все эпохальные изменения в условиях воспроизводства социальных систем – рациональность остаётся принципом работы бюрократических институтов общества. По словам Р. Коллинза, «рациональное планирование и учёт – это как раз то, что делает организацию бюрократической» [7, с. 404]. Она остаётся таковой просто потому, что процедура легальной легитимации может быть только рационально оформленной (в соответствии с процедурой, смысл которой понятен его участникам, хотя при этом некоторые из них могут считать её «нерациональной» в смысле неэффективной или нецелесообразной).

Появление электронных форм учёта (слежения – в том числе) радикально изменило физиономию современного общества [15], что повлекло за собой значительное изменение бюрократической функции и, соответственно, потребовало внести коррективы в то достаточно «романтическое» понимание природы бюрократии, который придал ей М. Вебер [4].

Современная «цифровая эпоха», которая значительно расширила зону возможности учёта и контроля, выявила парадокс бюрократической рациональности: для осуществления бюрократической функции *не надо думать* (или *лучше не думать!*). В перспективе потенциальной осуществимости эта функция может быть полностью автоматизирована. Будучи изначально обезличенной – сегодня она становится агуmanoидной в технологическом смысле, т.е. в принципе заменимой автоматом (о проверке социальной системы тестом «агуmanoидности» см. [19]). И действительно, поглощая в себя людей, акторов социальной структуры, институт бюрократии отучает их думать.

Опять-таки согласно М. Веберу (его теории целерациональности) рациональность это вопрос соответствия целей и средств. Деятельность является рациональной при условии (или постольку-поскольку), что средства адекватны поставленным целям. Отсюда, деятельность бюрократии является рациональной постольку, поскольку используемые ею средства (механизмы, инструменты, процедуры) адекватны цели – воспроизводству системного порядка. Так, например, формальный принцип права (как основы правового порядка) является наиболее строгим выражением принципа рациональности бюрократии, а *идеальным <позитивным> типом* бюрократа является прокурор.

Последующее развитие теории бюрократии, обусловленное прежде всего изменением условий социального воспроизводства, выявило феномен *дисфункциональности* бюрократии [10; 21]. С этой дисфункциональностью Р. Мертон столкнулся, раскрывая место и значение науки в современном (ему) обществе. Нигде дисфункциональная роль бюрократии не проявляется столь наглядно и остро, как в попытках «управлять» научными исследованиями: в нашей терминологии – «легитимизировать научные транзакции».

Дальше – больше. Оказалось, что для обществ современного (пост-современного) типа классический способ поддержания порядка <часто> дисфункционален и не только в сфере науки. Этот способ является таковым потому, что условием воспроизводства современного общества является *инновационное развитие*, т.е. качественное изменение (совершенствование) воспроизводства. С позиции экономического базиса общества это воспроизводство в первую очередь зависит от качества социального/

человеческого капитала. Это требование императивно, поскольку определяется глобальной конкуренцией в политической и экономической сферах современного мира. Проблема состоит в том, что функция поддержания системного порядка в принципе не способна к адекватному ответу на вызов требований инновационного развития. Хотя бы потому, что принципиально новое не может быть предметом легитимной трансакции. Чтобы её осуществить приходится часто прибегать к «хитрости»: новое выдавать за старое.

Не случайно, что в глазах широкой общественности бюрократия стала негативным символом преграды целесообразной логике развития. Позитив (и то в относительном смысле) был закреплён за *администрацией* и, соответственно, административно-правовым порядком. Обыватель стал называть бюрократическим излишнее рвение администрации за поддержание формальной стороны порядка. Связь бюрократии с администрированием закрепились на уровне государственного управления, которое само борется (и не без отдельных успехов) с так называемыми «административными барьерами». Но, как и во всех остальных случаях, сдвиги в массовом сознании указывают на проблему, в то же время прикрывая её существо. В теоретическом смысле администрация это и есть элемент бюрократической структуры современного общества.

Такова антиномия. Бюрократия призвана: (А) отвечать за воспроизводство системного порядка, но она (не-А) не способна отвечать за воспроизводство инновационного порядка, поскольку для неё (для её рациональности) этот *порядок развития* (логика развития) выглядит как *сущностный беспорядок*.

Таким образом, теоретически вопрос состоит в прояснении того, (1) как бюрократия отвечает на изменение условий воспроизводства и, если этот ответ неадекватен, но (2) как она в принципе должна отвечать. (Оба вопроса предполагают оправдание её существования: бюрократия необходима!)

2. Как бюрократия реагирует на требования развития системы (диагностика)

В России бюрократия всегда играла и продолжает играть исключительно важную роль. Реалии современной России состоят в том, что в результате перестройки у нас сформировалась система *бюрократического капитализма* (как трансформация предшествующего ему бюрократического социализма).

Бюрократический капитализм – это социально-экономическая система (экономический уклад), в которой *основным* источником капитализации (извлечения прибыли) является доступ к власти. Коротко говоря, эта система характеризуется сращением власти с капиталом. Соответственно, бюрократический социализм – это система, где распределение общественных благ определялось позицией лица во властной иерархии.

Будет ошибкой считать, что исключительная роль бюрократии в истории и современности России является злым умыслом какого-то лица. Эта роль – следствие (и отчасти – плата) за размер государственной территории и объёма природных богатств, которые находятся в распоряжении властей (государства). Поддержание системного порядка (связей между элементами системы) требует тем больших усилий и бюрократических ресурсов, чем больше размер страны. Добавим к этому и многонациональный состав страны.

Россия вынуждена быть если и не всегда империей, то во всех случаях Державой, т.е. государством, которое «держит» себя в своих границах особыми властными усилиями. Этому служит особый поли-

тический режим. Собственно экономических оснований для единства регионов, отдалённых друг от друга на 10 тыс. километров, нет почти никаких. Дальнему Востоку гораздо экономической иметь рыночно-хозяйственные связи с Китаем, Кореей и Японией, чем с Москвой. С учётом многонационального состава – проблематичными являются и основания культурного единства страны. Однако любая попытка разорвать политически (государственно) фундированные экономические и культурные налаженные связи чрезвычайно опасна. Этот разрыв может быть только кровавым. Кто в этом заинтересован? Образно, положение России можно характеризовать как тяжелоатлета, взявшего на грудь «исторический груз», который трудно поднять, но сбросить который смерти подобно.

Именно это обстоятельство определяет в основном исключительную роль государства и бюрократии в истории страны и остроту вопроса сегодня. Привычный способ *легитимации транзакций* в размерах страны тормозит её инновационное развитие. Россия сходит на периферию магистрального развития современного человечества, становится его сырьевым придатком.

Но бюрократическая структура не может не реагировать на вызовы современности. Её реакции непосредственно выражаются в характере принимаемых (доступных для её логики) решений. На сегодняшний день они большей частью неадекватны (дисфункциональны). Хотя проблема дисфункциональности бюрократии коснулась всех («Правительства XX века являют собой основные примеры выхода бюрократического аппарата из-под контроля» (Л. фон Мизес [12], П. Блау [20], Р. Коллинз [7]), но для России вопрос стоит наиболее остро.

Общий тезис рассмотренных ниже коллизий состоит в том, что органичное для бюрократии стремление к упорядочиванию социальных отношений (транзакций) в современных условиях ведёт к ещё большему беспорядку. Стремление к сохранению сложившегося порядка вещей в мировом соотношении сил вообще становится источником неуправляемого хаоса в мировой политике.

(1) *Бюрократия перед инновационным вызовом современности.* Ключевая проблема бюрократии состоит в том, что она институционально не заинтересована в качественных изменениях существующего порядка, просто потому, что призвана его сохранять. И это гораздо более серьёзная проблема, нежели её коррупционность. Бюрократия по своей природе не приспособлена к тому, чтобы принимать ответственные и своевременные решения. Однако в современных условиях она поставлена перед необходимостью это делать. (В реалиях России этого, в частности, от неё требует Лицо, стоящее как «над, так и во главе» бюрократической системы, будучи свободным от её ограничений. Однако не существует условий и инструментов, которые бы побудили бюрократию *желать* инновационного развития – исключая личной, коррупционной заинтересованности).

Ответ на этот вызов у бюрократии универсален. На требование развития бюрократия отвечает тем, что трансформирует требования развития в показатели роста. (То же самое вынуждено требовать от бюрократии Лицо, «стоящее над и во главе системы»: оно не может спрашивать с бюрократии того, что не получит отражения в отчётности, т.е. в установленных показателях роста). Операционально это выглядит как ориентация на уже существующие показатели. (В духе Ф. Бэкона – показатель роста можно именовать идолом современной бюрократии). Например таковым является ВВП для страны, доход для компании, индекс цитирования для учёного, рейтинг для университета и т.д.). Ориентация на показатели роста является рациональной для логики бюрократии (функции под-

держания сложившегося порядка вещей). Однако рост показателей замещает развитие (прогресс) и становится его симуляцией. Форсирование <экономического> роста и сдерживание качественных изменений образа жизни представляет угрозу для всего человечества. Это достаточно ясно показано в известном докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972). Через 30 лет после первого доклада авторы отметили, что политики ничего не сделали, чтобы изменить тренд интенсификации роста потребления, «а ещё тридцати лет у нас уже нет» [11].

(2) *Цена контроля.* Контроль – обязательный элемент легитимации транзакции. (То, что транзакцией в явном виде не является – например, образ мыслей – в современном обществе, как правило, легитимному контролю не подвергается, т.к. для этого нет полной технической возможности. Но вынесение образа мысли в публичное коммуникативное пространство (в Интернет – например) уже такой контроль допускает). В целом, системный порядок невозможен без учёта и контроля. Однако «безобидное» желание «всё держать под контролем» имеет небезобидные следствия: контроль имеет свою цену. Огромные ресурсы затрачиваются на контроль, начиная от охранников разного рода и заканчивая контролёрами от всяких ведомств. (По некоторым данным до 12% трудоспособного населения заняты этой непродуктивной деятельностью. Так, охранник – также агент бюрократической системы, поскольку он легитимизирует транзакцию перемещения лиц на ту или иную территорию).

Симптоматической формой контроля в логике бюрократии является *справка*, которая служит легитимным основанием разрешения той или иной транзакции. Без-умие (нерациональность) некоторых справок поражает. (Для нас таким примером является справка об отсутствии судимости, необходимая каждому преподавателю). Никто не считает цены вопроса: сколько общественно-необходимого времени (субстанции стоимости) было затрачено миллионами преподавателей и органами МВД для получения/оформления этих справок. При этом скрытым мотивом учреждения той или иной справки является не целесообразность, но стремление снять с руководства ответственность за *конкретную оценку* дееспособности работника.

Таковы прямые издержки контроля. К непрямым, но ещё более значительным, относятся т.н. транзакционные издержки, т.е. это время, необходимое для получения разрешений, на согласование и т.п., что в конечном итоге негативно влияет на главный источник величины прибыли в современной экономике – скорость оборота капитала.

(3) *Регламентация продуктивной деятельности.* Будучи необходимой, бюрократическая функция не является производительной (продуктивной) в экономическом смысле. Она противостоит логике свободного продуктивного действия [17]. По определению, функция поддержания порядка сама должна быть высоко упорядоченной (комплементарной функции порядка) или, практически, жёстко регламентированной. Проблема в том, что свой регламентированный порядок работы бюрократия транслирует в сферы продуктивной деятельности, которые по существу не могут быть жёстко регламентированы. Свобода продуктивной деятельности – не прихоть его работника, но жёстко связана с требованием учёта постоянно меняющихся условий конкурентной среды, с необходимостью учёта и синтеза *неопределённого множества* факторов успешной деятельности. (Яркие примеры – организация совместной деятельности в компаниях типа «Майкрософт»).

Бюрократия и предпринимательство. Предпринимательство сущностно характеризуется риском. Помимо чисто экономических рисков особую область представляют риски правовые, т.е. риск выхода за рамки установленных норм права (за рамки установленного системного

порядка). О неблагополучии в этой сфере свидетельствует факт (данные службы по защите прав предпринимателей): за последние 10 лет около 3 млн. предпринимателей преследовались по закону (каждый 2-3). Это не считая высокой латентности такого рода «преступлений» (не менее 100%). Винить в этом только предпринимателей – едва ли возможно. (Роль проверяющих органов, которые «кошмарят» бизнес – одна из реалий нашего общества).

(4) *Регламентация перед лицом неопределённости.* Современное общество – «общество риска» [2]. Риск – это деятельность в условиях неопределённости. Сама идея неопределённости (и, соответственно, риска) глубоко чужда бюрократии, поскольку весь смысл её деятельности направлен на учёт всех возможных ситуаций, на снятие неопределённости. При этом стремление снять неопределённость, предусмотреть все варианты риска вполне рационально и необходимо, однако не в той форме регламентации, которую деятелю навязывает бюрократия. У деятеля есть собственный «регламент». Он построен на прямо обратных предпосылках, нежели бюрократический. Если последний определяет условия деятельности и функциональные обязанности, как это предусматривает должностная инструкция («Вы можете начать работу при условии, что у вас имеется ...»), то «технологический регламент» рекомендует и предписывает, что делать при таких-то условиях. (Понятный всем пример ПДД: «Если загорается красный, вы должны стоять»). Вне сомнения, важен и тот и другой регламент, вопрос в соотношении подходов. На практике, в высокбюрократизированном социуме должностной подход подчиняет функциональный, вместе с тем ломая логику технологической целесообразности. В целом, попытка снять неопределённость, зажать продуктивного деятеля регламентом – катастрофична для деятельности в конкурентной среде, в условиях инновационной гонки – особенно.

(5) *Парадокс бюрократического бессилия.* Это вариант знаменитого double bind (условно – «двойное послание») г. Бейтсона [3], когда некое положение (утверждение) в себе самом содержит невозможность своего осуществления. (Классический пример «я приказываю, не исполнять моих приказаний»). (Г. Бейтсон показал, что double bind – это механизм шизофренического комплекса). К работе бюрократической функции это имеет ближайшее отношение. Органичным для этой функции является производство указов, постановлений, законов. При этом заведомо известно, что сделать их реальными регуляторами продуктивной деятельности и проконтролировать их исполнение в условиях принципиальной неопределённости конкурентной среды – в значительной части невозможно. Помимо прочего – исполнение закона всегда предполагает ресурс общественно-необходимых затрат труда соответствующих работников (прокуратуры, например) для контроля за соблюдением закона. Объём законов, соблюдение которых необходимо контролировать (в условиях их непрерывного печатания) постоянно растёт. Но временные (кадровые) ресурсы контролирующих органов – ограничены. В этих условиях органы (в соответствии с экономическим законом минимизации затрат и улучшая свою отчётность), берутся прежде всего за те правонарушения, расследование которых наиболее просто. В итоге ситуация бюрократической неконтролируемости социальных процессов только возрастает (по аналогии с ростом неконтролируемости мышления шизофреника). На это бюрократическая система реагирует новыми указами ... и если бы не наличие в их среде лиц со здравым смыслом, то конечным итогом был бы полный коллапс системы (мышления – соотв.)

(6) *Контролировать процесс, не отвечая за результат.* Регламентация продуктивной деятельности и производство указов имеет скрытое основание. В них сокрыта особая «корысть» бюрократа. Почти все спе-

циалисты по управлению отмечают, что особенностью нашей административной системы является стремление администраторов снять с себя ответственность за результат (несколько это возможно). Регламент, построенный по образцу работы бюрократической системы, заведомо неисполним для продуктивного деятеля. Продуктивная (инновационная) деятельность полностью никогда не совместима с регламентом (не отождествлять с технологической дисциплиной!). Такого рода деятельность предоставляет широчайший простор для контролирующих органов. Чем жёстче регламент – тем уязвимей его исполнитель, тем в более безопасном положении находится тот, кто разработал и утвердил регламент. В случае, если что-либо случится, будет виноват тот, кто нарушил его («стрелочник»).

Администратора (как агента бюрократической функции) можно понять. Он сам находится в иерархической цепи. На него также спущена ответственность вышестоящего начальства.

Таков принцип иерархии, который неумолим для бюрократической системы. Поскольку любое иерархическое звено уязвимо для высшего звена, то запускается процесс смещения ответственности на самые низкие звенья. Именно поэтому высшее звено заинтересовано производить как можно больше указов, что оно должно предусмотреть все возможные риски, связанные с его деятельностью. Если что-то произойдёт, но не было предусмотрено указом, то будет виноват администратор высшего звена. Если же указ был, но виноватым будет низшее звено.

Ицхак Адизес (помимо прочего – почётный академии госслужбы при президенте РФ) утверждает: «Как специалист по управлению, работавший в 52 странах в течение сорока лет, я могу совершенно точно сказать, что тормозит развитие России — это глубокий страх перед вышестоящим начальством и коррупция».

Повторимся. Принцип иерархии хорошо работает в простых системах (при однозначных целях, как в военных операциях), но чем сложнее система, чем богаче «дерево целей» и возможных альтернативных решений, тем больший обратный эффект даёт этот принцип.

(7) *Стерилизация среды*. Среда, в которой отсутствует риск, стерильна. Но она же безжизненна. Заметным явлением времени стало вторжение государства (бюрократической системы) в сферу человеческого (в особенности семейных) отношений. Ювенальная юстиция – тому самый характерный пример. Посыл таков. Мораль как универсальный регулятор человеческих отношений объявляется ненадёжной, и она последовательно замещается нормами закона, нарушение которых наказуемо.

Возможно это приводит к некоторому снижению семейного насилия (а вероятнее – к росту латентности), но вместе с тем к моральной деградации общества. Если отношение регулируется юридически, то это автоматически заглушает голос совести. (Именно потому, об этом понятии слышать почти не приходится).

Мы имеем дело со случаем, когда лекарство – хуже самой болезни.

(8) *Сакральный объект заботы*. Естественное стремление бюрократической системы контролировать процесс (и потому не отвечать за результат) – требует общественного оправдания. Таковым оправданием является забота о благополучии народа, и особенно в его составе – детей. (Заметим, как муссируется образ их «незащищённости»). Дети – сакральный объект бюрократической заботы. Потому обращение с детьми регламентируется самым тщательным образом. Около 200 указов регламентируют деятельность педагогов в школе, запрещается иметь дело с детьми лицам, имеющим судимость и пр. Эффективность такой

регламентации интересует мало. (Например, следующий факт. Влияние школьной среды на ребёнка находится на 24 месте, пропуская вперёд родителей, СМИ, сверстников и пр.)

(9) *Бюрократический принцип формирования политических элит.* В своё время П. Сорокин поставил вопрос о социальных лифтах как важнейшего условия существования (воспроизводства) «открытого» общества. Политический лифт (лифт власти) который возносит персонаж на уровень возможности принятия значимых для общества решений – важнейший для исторического воспроизводства государства. Какие решения принимаются – зависит от лица, принимающего решения (ЛПР), от его видения ситуации (в идеале это *global vision*), а само это лицо сформировано привычками и компетенциями, которое оно обрело, поднимаясь по лифту власти, либо же оно отфильтровано среди массива лиц, имеющих соответствующие амбиции (при определении состава выборных органов).

Бюрократический капитализм требует от кандидата на ЛПР послушания воле вышестоящего (см. выше о принципе иерархии), но именно это и приводит к деградации элит. Ментальное качество лица, которое вознесено послушанием, состоит (в лучшем случае) в способности хорошо делать своё частичное дело. Это лицо не научно опытом видеть ситуацию в целом и принимать стратегические решения. Принимать такие решения означает вовремя реагировать на вызовы. Все поражения в войнах, в конкурентной борьбе можно рассматривать как результат запоздалых решений.

Эти лица, собранные вместе (в парламенте), увязают в решении простых и частных задач и не отвечают на глобальные вызовы конкурентной среды. Частное и второстепенное – заслоняет общее и первостепенное. Уже весь орган не настроен на принятие комплексных стратегических решений. Политический менталитет сформирован таким образом, чтобы скороспело реагировать («печатанием» законов) на совершенно частные ситуации. Тратится драгоценнейшее время законодателя, от коллективной воли которого зависит жизнь всей страны. Между тем законы, которые требуются для инновационного прорыва (реформирование экономической системы), отложены «в долгий ящик». (Ведь сколько усилий было затрачено на переименовании милиции в полицию и по переводу стрелок часов!).

В целом, основной негативный эффект чрезмерной бюрократизации общества состоит в том, что она запускает механизм отрицательного естественного отбора в формировании политических элит. На ведущие места ставятся «хорошие» исполнители, тогда как для инновационного прорыва, для ответа на вызовы конкурентной среды, нужны «революционеры» (типа С. Джобса).

(10) *Бюрократия и коррупция.* Коррупция – в широком смысле – использование служебного положения в личных целях (в особом, но характерном случае – это обогащение). В общем случае чиновник не может не пользоваться теми преимуществами, которое ему даёт место в иерархии власти. Сращение власти и капитала (система бюрократического капитализма) – естественная питательная среда коррупции. Чем в большей степени распределение национальных благ и богатств определяется легитимными органами власти, тем значимей функция легитимации трансакции, тем больше она зависит от лица, которое её осуществляет. Наказание за получение личной выгоды от этой функции никогда не было существенным ограничением для личного обогащения.

Личность чиновника, однако, здесь почти не при чём. Такова логика бюрократической системы в условиях позднего капитализма. Сращение бюрократии с собственностью (основной посыл К. Маркса) тем

значительнее, чем больше величина благ, которыми распоряжается государство. Уровень коррупции прямо пропорционален численности государственных чиновников, умноженной на величину государственного бюджета (бюджета, участие в распределении которого они принимают). И он значимо не зависит от жёсткости наказания. Поэтому на попытку борьбы с коррупцией посредством наказания отдельных лиц можно ответить шуткой Маркса: «Бьют по мешку, а имеют в виду осла».

В своё время Й. Шумпетер (1911 г.) [18] ввёл понятие предпринимательского капитала (предпринимательской прибыли) как платы за неизбежный предпринимательский риск. По аналогии, коррупционная составляющая – это плата за риск чиновника, который вынужден рисковать, выходя за рамки установленного регламента (в данном случае – это должностные обязанности).

Рассмотрим типичное правонарушение государственного чиновника – нецелевое расходование бюджета (которое тщательно отслеживается органами прокуратуры). Допустим, чиновник проявляет заинтересованность в том, чтобы контракт на закупку получило определённое лицо, известное качеством исполнения, а не то, которое предложит более низкую цену. Для этого нужно идти на всякие «хитрости». Чиновник рискует. Будет ли справедливым, если он получит компенсацию за риск (откат)? Примерно так рассуждает и морально оправдывает себя чиновник. И с точки зрения интересов дела, с точки зрения необходимости развития, часто это оправдание действительно.

В большем же числе случаев чиновник категорически отказывается идти на малейший риск, даже если это и не нарушает инструкцию. Достаточно того, что возникает риск ответственности за разрешение чего-либо (за разрешение той или иной трансакции). Знаменитое: «Как бы чего не вышло!». Именно в этих случаях взятка служит компенсацией за риск проявленной ответственности.

(11) *Проблема эффективного менеджера*. Бюрократия не может остаться в стороне от продуктивного развития. Так или иначе, оправдывая свою функцию, она стремится показать свою продуктивность. Образу этой продуктивности закрепляется в персонаже менеджера. (Персонаж – субъективированный агент сценария воспроизводства системного порядка). Теоретически здесь надо иметь в виду, что функции управления сложными социальными системами и поддержания в них порядка, в том числе посредством легитимации трансакций, друг без друга не существуют. Однако продуктивное управление (каковое осуществляет хозяин производства – предприниматель) в значительной степени опирается на авторитет (хозяина) и только во вторую очередь предполагает легитимацию. В том случае, когда менеджер не может опираться на свой авторитет (по многим причинам), он будет вынужден выводить в приоритет управления регламенты и постоянно заботиться о легитимности трансакций. Бюрократическая рациональность в этом случае подчиняет себе логику продуктивной деятельности. Но «именно рациональность организации имеет своим результатом неспособность бюрократов понять общие цели» [7, с. 405].

Предприятие, которое работает в инновационной конкурентной среде, будет проигрывать конкурентам (при равных ресурсных условиях), если во главе будет стоять не авторитет, но «эффективный» менеджер.

Ограничение на управляемость сегодня вводятся самой теорией менеджмента [6]. Этому ограничению соответствуют методологии типа *knowledge management* или *management by object* (системы мало распространённые в России – поскольку они сильно ограничивают значимость бюрократии).

Риск для страны. Основным источником извлечения <сверх> прибыли (капитализации) на сегодняшний день в России остаются природные ресурсы (энергоресурсы). Сложившаяся бюрократическая система адекватна тем формам трансакций, которые связаны с извлечением и перераспределением этого ресурса. Бюрократия, с сопутствующими ей эффектами, остаётся основным источником капитализации (для всей страны!). В этом её сила. Но она совершенно неадекватна задачам построения инновационной экономики. Всё дело в том, что основным ресурсом инновационной экономики является т.н. социальный капитал, формируемый за счёт эффективности социальных связей. Технически это выглядит таким образом, что скорость оборота капитала (скорость прохождения разного рода социальных инстанций) является решающим фактором конкурентоспособности. «Время – деньги», и сегодня время в основном затрачивается не в сфере производства как такового, но в трансакциях между отдельными производителями (товаров и услуг). Когда время растаможивания товара у нас занимает неделю, а у соседей – сутки; когда согласование подключения к энергосетям занимает полгода, то ни о какой конкурентоспособности говорить не приходится.

Впрочем, пока традиционные источники энергии будут основными, России мало что угрожает. Власти смогут выполнять свои социальные обязательства и сохранять единство страны, но всё равно теряя при этом свой человеческий капитал. (Просто потому, что в экономике, живущей продажей природных ресурсов, им нечего делать!).

Наши зарубежные «партнёры» (поскольку они видят в России угрозу для сложившегося мирового порядка) естественно будут стремиться к тому, чтобы (1) Россия утратила преимущества извлечения сверхприбыли из продажи энергоресурсов, (2) не смогла перейти на инновационный путь развития, (3) власть не смогла выполнять свои социальные обязательства, (4) что приведёт к росту протестных настроений, (5) что приведёт к распаду страны. Результат (якобы): исчезнет одна из угроз для сложившегося мирового порядка.

3. Можно ли трансформировать бюрократическую функцию поддержания порядка в пользу развития?

Вопрос о будущем страны это вопрос о модернизации её бюрократической структуры. Необходимо изменить характер легитимации трансакций, исходя из понимания того, что основным ресурсом <инновационного> развития сегодня является социальный/человеческий капитал. Эмпирически этот капитал являет себя в темпах трансакций, которые совершаются между социальными акторами. Чем проще и легче осуществляется передача некоторого блага (ресурса) от одного субъекта другому, тем эффективней развивается вся система. Чем больше *административных барьеров* (в виде согласований и разрешений) стоят между акторами, тем неповоротливей система, тем с большим опозданием она отвечает на вызовы конкурентной среды. (Если в былые времена решения можно было принимать, хоть и с опозданием, то сегодня запоздалые решения вообще смысла не имеют).

Образцовой формой трансакции является непосредственная коммуникация (передача полезной информации), когда время приёма и передачи фактически совпадают. Все остальные – происходят с тем или иным запаздыванием.

Усилия по ускорению трансакций (ускорению процедур согласования) предпринимаются постоянно (но сами являются жертвой инерции бюрократической системы). Правда, эти усилия не рассматриваются как приоритетные.

Государственная административная система вполне понимает риски и негативные последствия излишней бюрократизации трансакций. Есть впечатляющие результаты, связанные с автоматизацией процедуры легитимации (получения справок, регистраций и разрешений). Идёт постоянная, но в этом случае безуспешная, борьба с увеличением численности чиновников. (Увеличение их числа описывается известным «законом Паркинсона»). С таким же «успехом» идёт перманентная борьба с коррупцией. От чиновников разного уровня требуют реальной результативности. Но всё это на поверхности – не затрагивая глубинных основ бюрократии, не покушаясь на главное – установившийся системный порядок. Незыблемым остаётся принцип: все модернизации не должны покушаться на легитимность установившегося порядка. Следует проводить изменения – ничего по существу не меняя (*double bind!*).

Проблема носит глобальный характер. Она только более остро стоит перед Россией. В целом она связана с нынешней формой финансового капитализма, который по сути своей бюрократичен. У нас – просто более наглядно. Решить проблему бюрократии, не изменив форму господствующего капитала (не изменив отношений собственности), невозможно. С технической стороны финансовые потоки это та питательная среда, в которой плавает и растёт бюрократия. Невозможно снизить аппетиты бюрократии (бюрократического капитала) пока основным источником капитализации остаются финансовые потоки. Давно обозначенная альтернатива состоит в усилении значения производительного капитала. Наиболее разработанной в этом отношении является концепция цивилизма В.С. Нарсесянца [13].

Возложим надежды решения проблемы на возникшее противостояние Запада и России. Как становится ясным, это не просто противостояние государственных интересов, но противостояние мировоззрений, фундаментальных соответствующими экономическими укладами. Прочетание западного мира принципиально зависит от господствующего положения финансового капитала, свобода движения которого коррелятивна особому пониманию демократических свобод индивида (Фридман 2006). Как поставщик энергоресурсов на условиях сверхприбыли, Россия оказывается вовлечённой в логику финансового капитала и целиком зависимой от него. Санкции меняют положение вещей. Указанное противостояние объективно подталкивает Россию к принципиальному решению изменения отношений присвоения национальных благ. Дело в том, что на тех правилах игры, по которым ведёт свою партию финансовый капитал, – Россия обречена на проигрыш. Сознание этого должно подтолкнуть к решениям.

Идея цивилизма – второй исторический шанс для России

Западный мир спасается от излишков бюрократии тем, что проявляет институциональную заботу о сохранении рыночной конкуренции. Конкуренция – естественный «конкурент» бюрократии [12]. Но и эти институциональные усилия ничего не могут противопоставить крупному финансовому капиталу, сращение которого с властью питает институт бюрократии. Наше положение хуже втрое. Сильная бюрократическая традиция умножена на олигархический принцип *приватизации* в период перестройки, и оба эти фактора умножены на *зависимость* России как поставщика ресурсов от мирового финансового капитала. Принципиально разорвать эти связи можно только одним путём: разгосударствлением национальных богатств. Не передачей их в частные руки, но превращением в долевую собственность всех граждан страны. Благо финансовые механизмы для этого имеются. Примером может служить опыт Норвегии по национальному использованию нефтяных месторождений

или Швейцарии по участию граждан в принятии решений. «Исторический прогресс свободы и права свидетельствует о том, что формирование и развитие свободной, независимой, правовой личности необходимым образом связаны с признанием человека субъектом отношений собственности, собственником средств производства» (Нарсеянц, Манифест о цивилизме). Такого рода признание отнюдь не является утопической мечтой, но выражает собственно логику социально-экономического развития общества, когда объективно человеческие и они же социальные ресурсы становятся основным источником экономического роста. Выигрывает та система, которая предоставит наибольший простор для human development. Проблема, конечно, состоит в том, что сама бюрократия и как институт, и как собрание лиц (со своими корпоративными интересами) в высшей степени не готова к такому решению. Именно по этой причине первый шанс России, возникший при переходе от бюрократического социализма к капитализму, был упущен. (Нарсеянц рассчитывал именно на то, что переломный момент позволит реализовать этот шанс наиболее безболезненно). Ныне возник второй шанс, когда западная система пытается лишить Россию преимущества сырьевого придатка. Есть все основания думать, что это ей удастся сделать. Потому решить вопрос конкурентоспособности России (как экономической, так и мировоззренческой) можно только на пути цивилитарной перестройки. Нет ни одного шанса на то, что следуя за экономически передовыми странами, мы их когда-либо догоним. Быть может более серьезная угроза заставит бюрократическую систему поступиться некоторой долей своей власти.

Заключение

Не существует другого цивилизованного способа поддержания системного порядка кроме легальной легитимации транзакций. Именно в этом призвание бюрократии. Однако функция поддержания системного порядка без своего противовеса – требований жизненного мира человека – имеет «опухолевую» тенденцию к безудержному разрастанию. Современная эпоха инновационного развития предельно обостряет противоречие «системь» и «жизненного мира». Теоретически – выход из тренда возможен, но практически маловероятен, поскольку у него нет сформированного социального субъекта.

Хотя эта работа написана на совсем другую тему, но её заключительная фраза будет отражать общее умонстроение многих интеллектуалов и в точности соответствовать последней же фразе статьи одного из выдающихся математиков XX века В.И. Арнольда: «Попытки отучить людей думать и остановить всяческий прогресс – естественное, но опасное последствие всемирной бюрократизации и борьбы с культурой» [1, с. 1323].

Литература

1. Арнольд В.И. Математика и физика: родитель и дитя или сёстры? // Успехи физических наук. Дек. 1999. Т. 169, № 12. С.1311-1323.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по психиатрии / 2-е изд., испр. М.: URSS: КомКнига, 2005. 545 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.

6. Клок К.; Голдсмит, Д. Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб.: Питер, 2004. 288 с.
7. Коллинз Р. Социологическая интуиция/Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 399-603.
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
9. Маннгейм К. Социология культуры. М. СПб.: Университетская книга, 2000. 873 с.
10. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
11. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ 'Академкнига, 2007. 342 с.
12. Мизес Людвиг фон. Бюрократия (1943)/ Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: "Дело", 1993. 240 с.
13. Нерсесянц В.С. Манифест о цивилизме. (Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости). [Электронный ресурс] URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm> (дата обращения: 30.09.2012 г.).
14. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
15. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АКТ, 2004. 672 с.
16. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123-136.
17. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
18. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 864 с.
19. Ячин С.Е. Социальная онтология в парадигме неразрешимости // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (29). С. 82-93.
20. Blau P.M. Bureaucracy in modern society. New York: Random House, 1956.
21. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arnol'd V.I. Matematika i fizika: roditel' i ditya ili syostry? // Uspekhi fizicheskikh nauk. Dek. 1999. T. 169, № 12. S.1311-1323.
2. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
3. Bejtson G. SHagi v napravlenii ehkologii razuma: izbrannye stat'i po psikhiiatrii / 2-e izd., ispr. M.: URSS: KomKniga, 2005. 545 s.
4. Veber M. KHozyajstvo i obshhestvo. M.: Izd-vo GU-VSHEH, 2010.
5. Giddens EH. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
6. Klok K.; Goldsmit, D. Konets menedzhmenta i stanovlenie organizatsionnoj demokratii. SPb.: Piter, 2004. 288 s.
7. Kollinz R. Sotsiologicheskaya intuitsiya/Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya. M.: Akademicheskij proekt, 2004. С. 399-603.
8. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii. M.:2007.
9. Manngejm K. Sotsiologiya kul'tury. M. SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 873 s.

10. Merton R. K. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.: AST, 2006.
11. Medouz D. Predely rosta. 30 let spustya. M.: IKTS 'Akademkniga, 2007. 342 s.
12. Mizes Lyudvig fon. Byurokратиya (1943)/ Lyudvig fon Mizes. Byurokратиya. Zaplanirovannyj khaos. Antikapitalisticheskaya mental'nost'. M.: "Delo", 1993. 240 s.
13. Nersesyants V.S. Manifest o tsivilizme. (Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti). [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm> (data obrashheniya: 30.09.2012 g.).
14. Parsons T. O strukture sotsial'nogo dejstviya. M.: Akademicheskij proekt, 2000. 880 s.
15. Toffler EH. Metamorfozy vlasti. M.: AKT, 2004. 672 s.
16. KHabermas YU. Otnosheniya mezhdou sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma // Thesis. Vesna 1993. T. 1. Vyp. 2. S. 123-136.
17. Fridman M. Kapitalizm i svoboda. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 240 s.
18. SHumpeter J. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. M.: Progress, 1982. 864 s.
19. YAchins S.E. Sotsial'naya ontologiya v paradigme nerazreshimosti // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014. № 3 (29). S. 82-93.
20. Blau P.M. Bureaucracy in modern society. New York: Random House, 1956.
21. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 r.